

*Людам Сепыча, прежним и нынешним,
и моей семье*

Список иллюстраций

Карты

1. Пермский край, Российская Федерация.
2. Сепыч и соседствующие с ним поселения.
3. Примерное расположение населенных пунктов Сепычевского сельсовета, 1926 год.
4. Населенные пункты Сепычевской сельской администрации, 2001 год¹.

Рисунки

- Рис. 1. Улица в Сепыче с приусадебными огородами.
- Рис. 2. Начало местного родословия поморских духовных отцов Верхокамья.
- Рис. 3. Старопечатные книги, разложенные при подготовке к беспоповской службе, 1994 год.
- Рис. 4. Отрывок из Максимовской рукописи «О разделе».
- Рис. 5. Выписка из Дёминской рукописи о разделе 1866–1888 годов.
- Рис. 6. Церковь Сретения Господня в Сепыче в 2001 г.
- Рис. 7. Сенокос с помощниками.
- Рис. 8. Новая сепычевская церковь.
- Рис. 9. Гендер и поколение: соборные старообрядцы-беспоповцы сидят за столом после службы.
- Рис. 10. Толпа собирается на крещение, проводимое священником на открытом воздухе.

¹ По состоянию на 2023 год — Администрация Сепычевского сельского поселения Пермского края.

Предисловие

Эта книга — исследование истории этики, рассказ о том, как обитатели одного поселения на протяжении трех столетий пытались сконструировать для себя этическую жизнь. Основным местом действия является Сепыч, небольшое село на западной окраине Пермского края в России. Сепыч был заселен в конце XVII — начале XVIII века раскольниками¹, бежавшими на восток от совместных преследований царя и Русской православной церкви. С тех пор для сообществ старообрядцев, как стали называть этих религиозных инакомыслящих и их потомков, дорога к христианскому спасению стала узкой и трудной. Подобно другим религиозным группам, бросившим вызов могуществу Русской православной церкви, старообрядцы Сепыча требовали как от себя, так и друг от друга особых знаний, хранящихся в текстах, и тщательного следования ритуальной практике в далеко не дружественной окружающей обстановке. Но не только старообрядчество определяло развитие этики в Сепыче. В разные эпохи жители Сепыча были то крепостными во владениях феодалов, то крестьянами в процветающем торговом селе, то образцовыми советскими колхозниками, то акционерами переживающего трудности постсоветского сельскохозяйственного предприятия. Каждая из этих форм организации труда, земли и денег, а также государственной власти и сельского ландшафта порождала этические ожидания и стремления столь же мощные, как старообрядческие заповеди и практики, хотя зачастую и противоречила им.

Я предполагаю, что в эти исторические периоды и в этих областях социальной и культурной жизни жители Сепыча опира-

¹ О терминах «раскольники» и «старообрядцы», см. главу 1.

лись на весьма пластичный, но поддающийся описанию набор убеждений об этике, принимая участие — или зачастую отказываясь участвовать — во все расширяющейся серии проектов конструирования из них новых типов людей. Сепыч — это не только испытанные временем традиции, крестьянское здравомыслие или крестьянский бунт, сельский изоляционизм или постоянное пьянство. Эти образы долгое время мешали полноценному изучению сельской России. Это, конечно, не логово морального разложения — отчасти экзотичное, отчасти достойное осуждения, — которое многие западные комментаторы видят в России. Я рассматриваю Сепыч как одну из точек на этическом поле, узел, в котором множество крупномасштабных процессов сошлось и дало осадок, породив три столетия непрерывных вопросов о том, как прожить жизнь в этом мире и, возможно, за его пределами.

Хотя в последующих главах мы будем говорить в основном о Сепыче (нынешнее население составляет около 1400 человек²) и его многочисленных особенностях, в этой книге отражены гораздо более масштабные этнографические, исторические и теоретические вопросы. Этические дилеммы и споры, наполнявшие жизнь сельчан, с которыми я познакомился, трудно было бы не заметить каждому, кто нашел время пожить в постсоветском мире и прислушаться к этим дискуссиям. Потому призывы к морали, нравственности и этике играли значительную роль в первых исследованиях, проводившихся в этом регионе. Чаще всего указания на мораль или этику позволяли антропологам подчеркнуть, в какой степени почти любой элемент постсоветского «перехода» к демократии участвует в изменении основных идей и практик, определяющих то, что значит быть человеком. Таким образом, эти концепции сыграли решающую роль в коллективных усилиях антропологов по улучшению сухих и явно некорректных теорий перехода, которые вот уже почти два десятилетия направляют подавляющее большинство социальных исследований и политической работы в этом регионе.

² По данным Всероссийской переписи населения 2020 года — 1205 человек.

Несмотря на присутствие вопросов морали и этики во многих этнографических исследованиях Урала, центральная идея этой книги заключается в том, что сама этика все еще недостаточно представлена в теории. Более того, я бы пошел еще дальше и сказал, что этика стала недоопределенной точкой опоры современной антропологии постсоциалистической Евразии: к ней обращаются повсеместно, но почти нигде не делают ее основным предметом анализа. По мере того как угасает новизна оспаривания деконтекстуализированных социально-научных теорий перехода, наступает время для внимательного изучения проблемы этики. Я провожу историческое исследование трех столетий существования одного села, чтобы привлечь в свою работу не только недавние события истории России и Советского Союза, но и гораздо более масштабные дискуссии в растущем объеме социальных и культурных теорий, посвященных этике.

Предисловие к русскому изданию

Впервые я приехал в Сепыч в 1994 году в качестве участника археографической экспедиции МГУ под руководством Ирины Васильевны Поздеевой. Большинство исследований, легших в основу этой книги, были проведены в 2000–2001 годах, включая то время, что я прожил в Сепыче в 2001 году. Хотя я уже представлял на русском языке основное содержание этой книги в Сепыче, Верещагино, Перми и Москве, а также сделал несколько кратких публикаций в русских изданиях, полный перевод этой книги на русский язык очень долго откладывался.

В первую очередь я обращаюсь к жителям Сепыча, которым эта книга посвящена. В этой книге описано то, что я узнал у вас и ваших предков о способах оставаться добрыми и нравственными людьми в меняющихся и зачастую сложных обстоятельствах. Люди повсюду пытаются поступать так, и Сепыч, во многом, не является исключением. Но у Сепыча необычное (и необычно хорошо задокументированное и изученное) прошлое, и потому в то время, когда я писал эту книгу, исследование истории этики в России здесь было, наверное, более возможным, чем в любом другом месте. Как я подробно (очень подробно!) объясняю далее в тексте книги, мне кажется важным разобраться в этических проблемах, в том, что делает жизнь хорошей, несмотря на ее нестабильность, непредсказуемость и частые повседневные трудности. То есть, в этой книге — особенно, в ее последних главах — рассказано о проблемах, решениях, воспоминаниях и ситуациях, о которых я услышал и с которыми сам столкнулся в Сепыче. Для меня, ученого, возможность учиться

у жителей Сепыча была великой честью, и я надеюсь, что этой книгой смогу отблагодарить и почтить их и их предков.

Я проводил свое исследование и писал эту книгу, надеясь, что жители Сепыча однажды смогут прочесть ее целиком на русском языке, и теперь у них есть такая возможность. Потому я постарался сохранить конфиденциальность тех сельчан, которые делились со мной своими переживаниями и мыслями. Для тех, кто беседовал со мной в частном порядке, я заменил не только имена, но и многие другие детали, которые позволили бы установить их личность. Порой я даже создавал коллективные личности, объединяя мнения или переживания двух или более людей так, чтобы не исказить информацию, но утаить ее источник. Сельчане, помнящие время, проведенное мною в Сепыче, знают, со сколькими я водил знакомство и беседовал. Если читатели подумают, что узнали кого-то по процитированной речи или описанию в книге, они, скорее всего, ошибутся. Исключением из этого правила являются только публичные персоны, выступавшие на публичных мероприятиях — таких, как собрание сельчан или работников совхоза, или представление в сельском клубе, с которого начинается введение. В этих случаях я заменял имена, но, наверное, все равно возможно понять, кто именно выступает. Именно потому, что эти мероприятия были публичными, я не думаю, что делюсь чем-то, что не было всем известно и всеми обсуждаемо в Сепыче в то время. Настоящие имена я использую лишь тогда, когда пишу о людях, умерших до 1950 года.

Хотя в первую очередь я обязан жителям Сепыча, не меньшую благодарность я испытываю по отношению к большому сообществу российских ученых, с которыми познакомился и трудом которых восхищался, работая над своим исследованием. Ирина Васильевна Поздеева радушно пригласила неопытного студента в экспедицию, что до сих пор меня поражает, а Наталья Викторовна Литвина, Татьяна Аркадьевна Мордкович и Ирина Сергеевна Пармузина остаются моими неизменными товарищами и собеседниками уже более четверти века. Бескорыстие, заботливость, ответственность и преданность, с которыми эти иссле-

дователи подходят к своей собственной повседневной работе, сделали лучше и мою — и далеко не только в том, что касается этой книги.

И, наконец, я благодарю Полину Шубину за еще один отличный перевод объемной и сложной книги, а также редакцию издательства Academic Studies Press / Bibliorossica — за то, что они помогли мне вернуть, наконец, эту книгу туда, где она начиналась.

*Д. Роджерс
Северный Хэйвен, Коннектикут
Июнь 2023*

Слова благодарности

Эта книга — результат многолетнего труда, и я хотел бы поблагодарить множество организаций и людей, которые помогли мне на этом пути.

Мою работу в России поддерживали гранты и стипендии Германского фонда Маршалла США (Программа поддержки исследований 2000); Международная стипендия для диссертационных исследований Совета по исследованиям в области социальных наук (на средства, предоставленные Фондом Эндрю У. Меллона); Совет по международным исследованиям и обменов (IREX), финансируемый Государственным департаментом США в рамках Программы Раздела VIII; стипендия Фулбрайт-хейз для докторских исследований за рубежом, управляемая Министерством образования США; Международный институт Мичиганского университета; Центр российских и постсоветских исследований Хэвигхерст при Университете Майами, Огайо. Первый вариант этой книги был в основном написан в Институте гуманитарных наук Мичиганского университета. Окончательный вариант появился после года сосредоточенной работы над текстом при поддержке Института Кеннана Международного центра ученых Вудро Вильсона и стипендии постдокторских исследований Евразийской программы Совета социальных наук. Кевин Дуайер, Тед Пердью и Брук Ларсон из Центра Вильсона были лучшими соавторами, а Кэтрин Прюсс стала для меня выдающимся научным ассистентом: она не только проработала большую часть библиографии, но и постоянно оставляла замечания к моим черновикам. Я особенно благодарен сотрудникам и руководителям программ этих учреждений за их постоянную под-

держку и логистическую дальновидность. Ни одна из этих организаций не несет никакой ответственности за высказанные здесь мнения.

Более ранние версии глав 5, 6 и 7 были опубликованы как отдельные исследования [Rogers 2005, 2006b, 2008]. Я благодарен Американской антропологической ассоциации, издательству Кембриджского университета и издательству Центра Вудро Вильсона соответственно за разрешение использовать здесь эти материалы. UMI/Proquest позволил мне воспроизвести изображения рукописей в главах 1 и 2. Я также выражаю благодарность Питеру Виссокеру, Джону Акерману и Анж Ромео-Холл из издательства Корнеллского университета, редактору Джейми Фуллеру, Биллу Нельсону из Bill Nelson Maps и Кейт Мертец из Mertes Editorial Services, которые сыграли важную роль в создании финальной версии книги.

На протяжении многих лет многочисленные друзья и коллеги комментировали мои идеи, предложения и проекты глав, часто подробно и зачастую больше одного раза. Я особенно благодарен Марджори Мандельштам Бальцер, Меган Каллаган, Саммерсону Карру, Ливиу Челси, Эме Грама, Эрике Лерер, Соне Луэрман, Марку Стейнбергу, Мэгги Пакссон, Джинезе Содикофф, Скотту Кенворти, Ирине Папковой, Стиву Норрису, Венелину Ганеву и Карен Давиша. Кэти Уоннер заслуживает особой благодарности за то, что прочитала всю рукопись в ее предпоследней версии; такой же благодарности достойна и Мелани Бойд, чья тонкая способность интерпретатора оказалась чрезвычайно ценной, когда я уточнял в своей рукописи все — от словесных оборотов до основных аргументов. Брюс Грант и Нэнси Райс продолжают работать сверхурочно, комментируя рукописи, представленные в серии, которую они редактируют в издательстве Корнеллского университета, — их внимательное прочтение значительно улучшило этот текст во многих аспектах. Семинары, мастер-классы и читательские группы в Джорджтаунском университете, Университете Майами в Огайо, Мичиганском университете, Колледже Миддлбери, Московском государственном университете, Центре Вудро Вильсона и Йельском университете также побу-

ждали меня улучшать и совершенствовать различные разделы этой книги.

Начало этой работе положил — и память об этом очень отрезвляет! — мой дипломный проект о старообрядцах, выполненный в Миддлберийском колледже. Пока я работал над другими проектами в Институте социальной и культурной антропологии Оксфордского университета, эта тема отошла на задний план. Впечатления от лет, проведенных там, на мой взгляд, все еще можно различить в приведенных ниже рассуждениях. Следующим перерождением книги стала диссертация, написанная в Мичиганском университете, где ей помогала общая атмосфера, благоприятствующая экспериментам на стыке антропологии и истории, а также вдохновляющая поддержка Уэбба Кина, Валери Кивельсон и Алайны Лемон. Кэтрин Вердери я благодарен больше, чем могу выразить: за множество подробных комментариев, непоколебимую веру в этот проект (даже несмотря на то, что каждый раз, когда мы его обсуждали, он отодвигался назад во времени еще на два-три десятилетия) и, самое главное, за ее представления о скрупулезности и великодушии ученого.

Огромное количество учреждений и частных лиц в России сделали мои исследования в Пермском крае возможными, продуктивными и приятными. С. А. Димухаметова, О. Л. Кутьев, Е. С. Лыкова, В. А. Гилёва и особенно М. И. Леонтьева — работники Департамента культуры и искусства Администрации Пермской области — открывали передо мной бесчисленные двери и часто сопровождали меня в этом пути. Моя признательность коллегам из российских университетов, архивов и музеев в полной мере выражена в этом тексте, а сейчас достаточно сказать, что каждый шаг моих полевых и архивных исследований поддерживался широким кругом ученых, связанных с Археографической лабораторией МГУ. Эти исследователи старых кириллических текстов и русских религиозных сообществ, которые ими пользуются (слово «археография» происходит от древнегреч. ἀρχαῖος — древний и ὑράφω — пишу), пригласили меня в экспедицию в Сепыч и окрестности в 1994 году и с тех пор поддерживали мое исследование. И. В. Поздеева, одна из самых смелых,

дальновидных и продуктивных исследовательниц, которых я когда-либо знал, была моим постоянным собеседником, а иногда и суровым критиком. Я также благодарен Г. Н. Чагину, А. В. Дадыкину, В. И. Ерофеевой, Т. Д. Горячевой, Е. В. Исаевой, Е. В. Литвяк, В. П. Пушкову, И. П. Смирнову, И. В. Бойко, Е. Б. Смилянкой, Е. М. Сморгуновой, а также Е. В. Александрову и покойному Л. С. Филимонову из Центра визуальной антропологии МГУ. Наталья Литвина, Татьяна Мордкович и Ирина Пармузина провели месяцы (в случае Натальи — годы) в экспедициях в районе Сепыча. Их интеллектуальная компания была редким удовольствием для исследователя, привыкшего к англо-американской модели полевой работы, в которой задействован лишь один человек. Все они внесли свой вклад в мои научные построения, обогатили мою жизнь и во многих отношениях помогли мне разобраться в этических дилеммах изучения старобрядчества. В тех местах следующих глав, где я не согласен с российскими коллегами, которые так щедро поддерживали мою работу, я делаю это явно и откровенно, полагая, что их исследования заслуживают такого же внимания — и цитирования, — как и исследования моих западных коллег. Если в процессе исследования я воспроизвел некоторые из недостатков антропологии и истории в моем понимании, на которые мне часто пытались указать мои русские друзья, то я могу лишь сослаться на свое упрямство. Тем не менее я надеюсь, что помог впечатляющим работам этих археографов стать более широко известными.

Я не могу поблагодарить жителей Сепыча поименно, но я должен выразить им глубочайшую признательность за то, что они дали шанс американцу, желавшему пожить некоторое время в их уголке Урала. Я надеюсь, что смогу дать им почувствовать глубину моей благодарности, упомянув их здесь вместе с моими родителями, Кэрл и Лео Роджерс, которые с энтузиазмом поддерживали это мое начинание, как и все прочие, а также Мелани Бойд, Кейдена Родемс-Бойда и Эвэн Родемс-Бойд, которые присоединились ко мне в середине этого проекта и без чьего участия и он, и все остальное едва ли можно было себе представить.

Замечания о переводе имен собственных

В соответствии со стандартной антропологической практикой я использую псевдонимы, выбранные из числа местных имен соответствующего исторического периода, чтобы идентифицировать всех, кто появляется в этой книге. Исключение составляют лишь сельчане, умершие до 1950 года и упоминающиеся в общедоступных источниках. В некоторых случаях я также изменяю личные и/или семейные данные, чтобы еще больше скрыть личность и защитить конфиденциальность моих информантов. Изменения в русских традициях именованья связаны с моим собственным отношением к данному человеку. Например, если, будучи близко знаком с кем-то, я называл его/ее по имени, я использую псевдоним-имя, когда пишу об этом человеке; в случае менее близкого знакомства или более формальных отношений я использую имя и отчество. Цитируя рукописи и архивные данные, я переношу имена оттуда: например, инициалы и фамилии из советских ведомственных документов, таких как дела охраны.

Введение

Этика, Россия, история

Никто не может сказать, когда именно впервые открылись двери сельской библиотеки Сепыча. В прошлом не отмечалось никаких юбилеев этого события — по крайней мере никто не мог этого вспомнить, — и ни консультации библиотекарей со старейшими жителями, ни запросы к архивам не дали никаких убедительных свидетельств. Тем не менее в конце ноября 2001 года государственные работники культуры, местные высокопоставленные чиновники в поселении и за его пределами и небольшое количество заинтересованных жителей собрались на празднование 90-летия сельской библиотеки Сепыча. Количество лет было подсчитано коллективно. Как оказалось впоследствии, некоторые из юбилейных мероприятий сочетали разные взгляды на прошлое и настоящее Сепыча, на основание поселения, на тех людей, которые ходили по его дорогам и пахали его поля в последние 300 лет, и на то, как лучше представлять и раскрывать знания о прошлом села и его жителей. Настоящая книга тоже посвящена этим темам, поэтому я начинаю со сцены Сепычевского клуба — бывшего советского сельского клуба — в праздничной атмосфере, обращенной к истории села, пусть и весьма условно.

Как и на многих подобных собраниях в этом клубе — и в советские, и в постсоветские времена, — в ходе этого праздника из рук в руки переходили подарки и грамоты, школьники читали стихи, выступал фольклорный ансамбль Сепыча. Среди иногородних высокопоставленных персон, присутствовавших в тот день, был отец Василий, священник из райцентра Верещагино — движущая сила, стоящая за новой старообрядческой церковью в центре Се-

пыча. Приглашенный сказать пару слов о важности книг на юбилее библиотеки, отец Василий выступил с импровизированным обращением, занявшим добрых 20 минут, подробно коснувшись некоторых периодов русской истории, нынешней региональной политики, православного богословия и вероучения, тревожного снижения рождаемости в России в 1990-х годах и процветания мусульманского населения Пермского края. Ему предоставили слово, когда фольклорный ансамбль закончил первое выступление.

Отец Василий предпочел говорить из зала, а не со сцены; его гулкий голос без труда заполнил помещение клуба без всякого микрофона. Он начал с того, что взял альбом по местной истории, только что законченный библиотекарями, под названием «Летопись села Сепыч»:

Прежде чем... как начать говорит о книгах, мне бы хотел заострить внимание о серьезности отношения книги и летописи. <...> Открываю буквально вот сегодня, сейчас, через несколько минут назад вот эту книгу, которая, как я читаю, «Летопись села Сепыч», и сразу натываюсь на очень значительное отклонение от той исторической правды, которое на самом деле есть. Итак, «село возникло в 1665 году». Я эту цифру не могу оспаривать и не могу наставить, что так и было именно... но что именно в этом году, появились первые русские жители... Сэтим можно поспорить. Почему? Потому что первыми жителями этого села были стрельцы, которые бежали из Москвы вследствие последнего восстания в 1698 году. Ну причем они не бежали сюда сразу, на село Сепыч. Они бежали... как вы слышите, упоминается село это, река Керженец, они бежали сначала в Гуслицы, это в Московской области, из Гуслиц они бежали на Керженец в нижегородское Заволжье. И после того как в 1720 году нижегородский епископ Питирим, значит, их с войсками командами оттуда турнул, вот только тогда в 1720 году примерно, ну вот плюс-минус там, 21 или 22, значит, они появились здесь в этом краю, населенном коми-пермяками...¹

¹ Здесь и далее цитаты даются в виде расшифровок, максимально приближенных к устной речи местных жителей. Исправлены очевидные грамматические ошибки, расставлены знаки препинания в соответствии с современной нормой. — *Прим. ред.*

Отец Василий продолжал исправлять другие утверждения с первой страницы «Летописи», подкрепляя свои возражения потоком дат, статистических данных, имен и соображений этимологии. Он заключил, что разбор и объяснение всех ошибок в части «Летописи» о том, какие именно группы старообрядцев прибывали в Сепыч, когда это было и что затем происходило, «займет целый день».

Далее отец Василий обратил внимание на связь повествования об исторических событиях в Сепыче — и, шире, в России — с особым вариантом православной духовности. Он предположил, что и истинная история, и истинная духовность могут быть достигнуты через особое постижение прошлого, понимание истории, которое в важных аспектах отстает от материалов, посвященных празднованию годовщины. Отложив «Летопись», священник взял в руки толстый том, ветхие обложки которого были скреплены кожаными и металлическими застежками, и представил его как «главную книгу старой веры, по которой те, кто называет себя староверами, живут изо дня в день — “Кормчую книгу”»². Сперва отец Василий говорил не о содержании «Кормчей книги», а о важности книги самой по себе и вообще о старых религиозных книгах как о главном проводнике на пути к истинному пониманию истории и духовности. Он рассказал, что эта «Кормчая книга» передавалась на протяжении многих поколений в семье священников-старообрядцев, которые оставили в ней пометы, комментарии и надписи. Бросив взгляд через плечо в направлении сцены, отец Василий заметил, что его книга по-настоящему использовалась — им самим совсем недавно и его предками на протяжении многих лет, — а не пылилась на полке, как книги в библиотеке. Быть связанным с этой книгой, утверждал отец Василий, значит не просто читать ее, но и ощущать свою связь с прошлым и образом бытия через книгу как физический объект.

² «Кормчая книга» (кормчий — рулевой, лоцман) — сборник церковных установлений и канонического права (номоканон), унаследованных от византийской церкви, впервые опубликованный в России в 1649–1650 годах. Отец Василий почти наверняка держал в руках копию «Кормчей книги», изданной в 1653 году, до реформы патриарха Никона.

Лишь когда время, отведенное ему на «пару слов», перевалило за 15 минут, отец Василий взялся за моральные кодексы и правила древнерусского православия, составляющие «Кормчую книгу»:

Эта книга, которая нам рассказывает буквально все. Значит, как надо жениться. Как надо выходить замуж. Сколько браков дозволяется. Какие виды браков. Как крестить. Как принимать от ереси. Что представляют эти ереси. Буквально все расписано. И для нашего общества этой книги является своеобразным разоблачением. Почему? Потому что, если ее открыть и начать читать, то буквально каждый из нас про себя подумает: «Погляди, как я далеко ушел от бога и как мне непросто к нему вернуться, потому что надо быть оставив с этого, оставив ту, другой, третий, четвертый». Некоторые, скажем: «И почему это все оставить? Может быть, мы так хорошо прижились, что мы можем без этих старинных книг, без этих старинных правил». Оказалось, что нет. Без этого обойтись не можем.

Замечания отца Василия, который как будто не хвалил, а критиковал работу библиотеки, явно создали в клубе атмосферу неловкости. Сельчане, с которыми я разговаривал позже, были чрезвычайно поражены глубокой эрудицией священника, его знанием истории и текущих событий, а также впечатляющим стилем речи. Тем не менее они сочли его проповедь и полемику — не говоря уж о длине его выступления — неуместными на таком мероприятии. Эта неловкость не ускользнула от самого отца Василия, который активно создавал подобные моменты и считал свою способность одновременно сбивать с толку и ошарашивать предпосылкой к завоеванию новых приверженцев старой веры. Однако несмотря на рост паствы в Сепьче, он и его последователи побудили к чтению «Кормчей книги» и строгому поведению, за которое он агитировал, лишь некоторых.

Как я подробнее покажу в своих изысканиях о постсоветском периоде, выступление отца Василия на праздновании юбилея библиотеки было лишь одним из орудийных залпов в десятилет-

нем сражении за религиозное, политическое и экономическое главенство в постсоветском Сепыче и вокруг него. Здесь, однако, хочу подчеркнуть, что, используя исторические сведения, морализаторство и память о прошлом для критики и поучений, отец Василий присоединился к многовековому ряду чужаков, являвшихся в Сепыч, чтобы так или иначе «переделать» его жителей. В самом деле, многие заезжие гости учили и проповедовали именно с того места, на котором в тот день стоял отец Василий. Большую часть советского периода сельский клуб Сепыча был местом проведения коммунистических партийных лекций и социалистических праздников; до революции в этом же здании располагалась церковь Сретения Господня, храм Русской православной церкви, построенный для обращения в веру непокорных старообрядцев Сепыча. Но другие, менее знакомые истории и моральные дискурсы продвигались гораздо менее недвусмысленно, чем те, что были изложены в «Кормчей книге» или «Моральном кодексе строителя коммунизма». Рынки капитала конца XIX и конца XX века и неформальный сектор сельской экономики советского периода, к примеру, были не менее революционны для сельчан Сепыча, ибо власть в селе не всегда давала им четкие директивы, как поступать в том или ином случае.

В следующих главах будет исследовано, как население Сепыча сталкивалось с историями и моральными дискурсами, которые, подобно тем, что отец Василий так настойчиво излагал в клубе, были им чужды — по крайней мере, изначально и в какой-то степени. Характерные черты этих столкновений — многообразные, часто противоречивые взгляды на категории, которые пронизывают повседневное взаимодействие: правильное — неправильное, свое — чужое, прошлое — настоящее. Вновь и вновь перед жителями Сепыча вставал выбор: какими они должны быть, а какими — могут. Как они должны относиться друг к другу? К самим себе? К крупным институтам, таким как рынки и государства? К жителям иного, невидимого мира? Разногласия сменяющих друг друга ответов на эти вопросы пронизывает весь период, который я хочу рассмотреть. И все же, несмотря на эту разногласию, поколения жителей Сепыча с поразитель-

ной частотой ориентировались на то, что я называю «этическим репертуаром» — набор чувств, склонностей и ожиданий, который посторонние часто упускают из виду или улавливают лишь отчасти.

Конечно, сперва я, будучи таким посторонним, осознавал этот «этический репертуар» не в полной мере. Я понял его более полно только после года пребывания в Сепыче, когда, подталкиваемый местными жителями и русскими коллегами, начал читать архивы и рукописи за 300 лет истории села. В отличие от четко сформулированных морализаторских установок «Кормчей книги» или универсальных руководств, предлагаемых экономическими реформаторами, я пришел к пониманию изменчивой и часто оспариваемой этики: по-разному преломленной в линзах пола и поколения; заключающей в себе, но четко разделяющей труд и молитву; движущейся по материальным векторам пищи, питья, денег и работы; погруженной в ландшафт Сепыча и его окрестностей. Претворенная в жизнь и не выраженная словами, эта этика лишь изредка проговаривается в легко объяснимой цитате или замечании.

Но вернемся к открытию празднования 90-летия Сепычевской сельской библиотеки.

Когда свет в зале погас, а шум аудитории затих, появилась одна из трех сепычевских библиотекарей и села на стул справа на сцене. Она была одета как стереотипная бабушка: платок и фартук, вязание. Пока она говорила, ее руки были заняты спицами. Хотя отец Василий говорил легко и уверенно, голосом проповедника, библиотекарь, открывая торжество, говорила неуверенно, время от времени запинаясь:

Как служил солдат? 20 лет служил. 20 лет служил и еще пять. Воротился он в родной дом, воротился он. И посмотрел он. Люди неприличные, люди пришлые, незнакомые. И спросил он: «Откуда вы сюда приехали?» Шапку снял старик и говорил ему: «Издалека мы, из реки Керженец. Привезли с собой веру Русскую, веру старую, и еще с собой привезли мы сундуки с умом-разумом на умения землю русскую обрабатывать...»

На этом она внезапно остановилась и объявила выступление фольклорного ансамбля Сепыча — первый номер концертной программы.

Первые строки выступления библиотекаря охватывали темы, очень похожие на те, которые поднимал в своей проповеди отец Василий, но совсем по-другому. По контрасту с выступлением отца Василия, основанным на экспертных знаниях о прошлом, открытых историческими исследованиями и подкрепленных замысловатыми подробностями, краткая сценка, показанная библиотекарем, представляла собой воображаемый рассказ старой женщины. С этой точки зрения знать историю — значит не изучать материал и содержание старых книг с целью установления неопровержимой истины (и настойчиво исправлять менее точные и менее научные сообщения), а слушать рассказы о прошлом от старшего поколения сельчан, от собственных бабушек и дедушек. Ставя зрителей на место младшего поколения, которое слушает, как бабушка рассказывает историю о первых поселенцах Сепыча, автор этой вступительной сценки транслировал более интимный, личный способ взаимодействия с историей, знакомый каждому. Это наиболее частый способ диалога между поколениями — заметим, что именно диалога, а не монолога, — в котором рассказчик впоследствии рассмотрел отчетливые контуры этических дилемм и переживаний Сепыча.

Слова библиотекаря, донесенные в обертке иного понимания истории, чем у отца Василия, также намекают на ту этику, которую я прослеживаю в Сепыче сквозь века. Старик в рассказе «бабушки» описывает народ, поселившийся в Сепыче, перечисляя то, что привезли с собой издалека ранние поселенцы, в том числе «веру Русскую, веру старую» и «умение землю русскую обрабатывать». В самом деле, один из первых уроков, усвоенных мною в Сепыче, заключался в том, что, когда речь заходит об истории и этике, старая вера и возделывание земли никогда не воспринимаются в отрыве друг от друга, как то предполагают абстрактные понятия «религия» и «экономика сельского хозяйства». Думая о жителях Сепыча исключительно в религиозном ключе, мы упускаем из виду важность других перемен в их жизни: изменения

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru